

УДК 316.227

Феноменологический анализ диадического бытия субъекта

Косилова Елена Владимировна

Доцент,

кафедра онтологии и теории познания,

философский факультет,

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,

119991, Российская Федерация, Москва, Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4;

e-mail: implicatio@yandex.ru

Аннотация

В статье рассмотрен особый вид социального отношения субъектов – диадическое совместное бытие. В диаде происходит частичное слияние субъектности, взаимодействие интенциональностей, так что в некоторые моменты диаду можно рассматривать как единое существо. Было сделано предположение, что имеет место суггестивное взаимодействие, быстро и эффективно действующее на внеречевом уровне. В диадическом взаимодействии возрастает интенсивность бытия – присутствия в хайдеггеровском смысле этого слова. Поставлен вопрос, как два индивидуальных субъекта могут иметь общую интенциональность. Предложен ответ, что «точкой сборки» субъекта является нечто, трансцендентное ему, и если это трансцендентное обще для обоих субъектов, то у них имеется общая «точка сборки». Проблемы диадического взаимодействия субъектов – это очень насущные проблемы повседневной жизни. Ответ на них нужно искать не только в философии, но и в других науках, прежде всего в психологии, а также в литературе, истории и социологическом исследовании современной жизни.

Для цитирования в научных исследованиях

Косилова Е.В. Феноменологический анализ диадического бытия субъекта // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2016. № 2. С. 92-109

Ключевые слова

Диада, субъект, присутствие, общая интенциональность, бытие, феноменологический анализ.

Введение

Способность к раскрытию к Другому, выраженная уже у здоровых младенцев, сопровождает человека всю жизнь. Именно она дает возможность возникновения диадического от-

ношения. Она основана на доречевом коллективном отношении и является более глубокой, нежели способность отстранения, основанная на собственном рефлексивном и логическом мышлении человека.

Что такое доречевое коллективное отношение? Основываясь на теории отечественного историка Б.Ф. Поршнева [Поршнева, 2007], мы можем возвести его к тем историческим этапам эволюции человека, когда еще не было речи, но уже существовала организованная коллективная деятельность. В отсутствие речи эта способность обеспечивается тем, что Поршнева называет «суггестия» – жесты, поза тела, мимика, направление взгляда, нечленораздельные звуки. Наиболее информативны жесты и направление взгляда. Этот рудимент суггестии существует и сейчас (невербальное общение), и мы часто прибегаем к нему, например, когда надо объяснить дорогу. Суггестивное общение часто имеет место между близкими людьми, которые «понимают друг друга с полуслова» или даже совсем без слов. Можно привести и другие ситуации суггестивного общения, например, хозяин и умная собака.

Термин «суггестия» часто используется в значении «внушение». Поршнева суггестия тоже несет оттенок внушения, хотя первичный смысл этого термина в данном случае – доречевое общение. Элемент внушения в суггестии весьма важен. Ведь для успешной коллективной деятельности необходимо, так сказать, единомыслие, а в отсутствие речи отсутствует и возможность обсуждения. Поэтому успешная коллективная деятельность и поныне во многом основывается на взаимной суггестии, поскольку суггестия, в отличие от речи, действует быстро и эффективно.

Только суггестия возможна в ситуации, где невозможно речевое общение, прежде всего, в общении матери и младенца. Мать по мельчайшим признакам мимики, позы, звуков младенца определяет его состояние и текущие потребности. Элементы внушения, всегда присутствующие в суггестивном общении проявляются в том, что понимание жеста на какое-то время приводит реципиента в то же состояние, в каком находится суггестор, и реципиент даже часто сам повторяет этот жест. Это характерно и для такого случая, как объяснение дороги, и для общения матери и младенца. Мать часто вообще сама как бы находится в том же состоянии, что младенец, как бы чувствует его по себе. Младенец тоже повторяет жесты и мимику матери.

Эти особенности суггестивного общения – его быстрота и эффективность на доречевом уровне и его способность внушать реципиенту (до какой-то степени) внутреннее состояние суггестора – приводит к эффекту *совместного мышления*, парного или коллективного. На материале взаимодействия матери и младенца этот эффект описан в литературе и получил название «совместное внимание» [Сергиенко, 2009]. Мы же пойдем дальше и рассмотрим, каким образом совместное мышление встречается не только в паре мать-младенец, но и в других случаях. В терминах феноменологии это нетривиальное исследование, поскольку мышление требует интенционального акта понимания (конституирования смысла), а этот акт производится трансцендентальным Эго, которое по сути своей индивидуально.

Итак, взрослея, ребенок выходит из диадического, чисто эгоцентричного отношения с матерью. В жизни очень хочется повторить, хотя бы отчасти, это прошлое диадическое состояние, этот рай понимания и взаимодействия. Поэтому диадическое состояние встречается в различных видах взаимодействия с Другими. Двумя ведущими примерами у нас будет диадическое состояние любящей пары и пары совместно мыслящих ученых.

Общая характеристика диадического взаимоотношения

Начнем с определения диады. Диадой мы будем называть пару человек, которых в определенных важнейших аспектах можно рассматривать как одно существо. Обязательно эти важнейшие аспекты должны иметь место между двумя участниками диады (а не только возможность рассматривать их как одно целое со стороны). Другими словами, в определенном смысле и, возможно, в определенные моменты, двое участников диады должны сами чувствовать себя единым существом. Более того, они должны чувствовать себя единым субъектом, то есть единым чувствующим и действующим существом. Совершенно очевидно, что полное, абсолютное состояние диады либо крайне редко, либо совсем не встречается.

Тем не менее, если считать идеальную диаду некоторым полюсом, к этому полюсу приближается довольно много структурных субъектных ситуаций. Мать и младенец, близкие друг другу супруги, близкие друзья, иногда коллеги, сотоварищи по деятельности.

Можно выделить несколько видов диад. Прежде всего, диады делятся на первичные и вторичные. В случае первичной диады диадическое состояние предшествует автономному субъектному состоянию. Это как раз характерная ситуация младенца. Однако первичность/вторичность диады может определяться в момент ее разрыва. Например, после долгого периода супружества один из супругов остается один. В этот момент он испытывает (помимо горя и иных естественных эмоций) ощущение субъектной недостаточности. Ему вдруг становится трудно принимать решения. Более того, даже само восприятие мира изменяется (например, делается более тусклым, мир кажется серым). Причем это состояние недостаточности охватывает все, оно как бы пронзает собой само бытие. Это разрыв диады, которая на момент разрыва является первичной.

Вторичная диада – это двое людей, каждый из которых до вступления в диаду был автономен и продолжает во многом удерживать автономию внутри диады. Это могут быть два коллеги на работе, работающие над одной задачей. Зачастую они понимают друг друга с полуслова. Однако полного субъектного слияния тут не возникает. Расходясь, они не испытывают субъектной недостаточности.

Первичность и вторичность диады, таким образом, можно различить по тому, как диада разрывается. Переход между диадами обоих типов плавный. Более того, одна та же диада может двигаться от субъектной автономии к субъектному слиянию и обратно.

Второе важное различие, которое нужно сделать в описании диад – это их симметрия/асимметрия. В симметричных диадах участники вносят равный вклад в решения, мысли и чувства диады (или вклад участников попеременный). Таковы могут быть отношения двух коллег по работе. Это касается именно решений и чувств – вклад по ним должен быть от каждого участника равный. Если один вносит мысли, другой чувства – это асимметричная диада.

Все диады, которые нельзя назвать симметричными, являются асимметричными. Асимметрия проявляется в том, что один из участников является ведущим, другой ведомым. В ситуации мать-младенец младенец является ведущим в области чувств, а мать – в области решений (не всегда, разумеется, но такой расклад характерен). Переход от асимметричных диад к симметричным, таким образом, также плавный.

Теперь перед нами стоит гораздо более трудная задача: проанализировать, как диада может быть единым существом. В этом особенно будет мешать хорошо нам известное собственное субъектное состояние, которое является в высшей степени автономным и даже практически атомизированным.

Давайте возьмем самый простой случай: эмпатию. Например, мать наблюдает, что ее ребенку холодно. Мать одевает ребенка так, будто ей самой холодно, а когда ребенок согрелся – матери кажется, что и она согрелась. Она интенсивно сопереживает ребенку. Аналогично с болью, которая заставляет сопереживать не только партнера по диаде, но и всех, кто находится рядом.

Эмпатия знакома большинству людей. Если рассматривать эмпатирующего и эмпатируемого как диаду, то можно сказать, что двое испытывают одну и ту же боль. Понятно, что даже в идеальном случае этого быть не может, боль все равно будет разной у того, кому реально больно и у того, кто ему эмпатирует. Тем не менее, даже нейрофизиологические показатели у них могут быть схожи, и в целом можно заявить: «Эта диада чувствует боль (или ей холодно)».

Если брать ребенка, мать и холод, мы должны сказать, что это момент асимметрии диады, когда ребенок является ведущим в области чувств и ощущений. Мать является ведомым элементом. Связующее их звено – эмпатия.

Природу эмпатии будет легче понять, если вспомнить понятие суггестии. Выше говорилось, что суггестия распространяется не только на ощущения, эмоции и переживания, но и на мысли. Ведь она имеет долгую доречевую историю обеспечения коллективного мышления.

Конечно, нельзя сказать, что любая эмпатия основана на суггестии и что любая диада связана эмпатией. Но следует всегда помнить, что суггестивное взаимодействие очень богато возможностями, в том числе возможностями общего мышления, конституирования смысла вдвоем.

Потеря себя в диаде

В диаде происходит субъектная потеря себя, но и обретение себя нового как части диады. Давайте поставим сложный и острый вопрос об адекватности диадического отношения

в любви. Тут возможны противоположные точки зрения. Забвение себя чревато бытийным искажением, причем это касается и отношения ко второму члену диады как к Другому. Очень часто симметрия диады переходит в зависимость, причем даже если это зависимость симметричная, то есть оба зависят друг от друга одинаково, все равно она приводит к субъектной недостаточности. Первоначальный повышенный уровень бытия в такой зависимости падает ниже среднего, субъект без диады уже не может быть тем, чем он мог бы быть, если бы не был в зависимости. Впрочем, это не самое страшное, так как такое понижение субъектного бытия в то же время компенсируется повышением, которое доставляет само диадическое со-бытие. Если же зависимость несимметрична, то она крайне мучительна, этому посвящено огромное количество современной психологической литературы. Распадение диады – маленькая смерть, огромное потрясение для субъектов. Это, конечно, скорби, без которых бытие-в-мире никогда не обходится, но эту скорбь можно обойти, уменьшив степень собственной зависимости от диады. Правда, тогда и выгоды диадического состояния исчезнут.

В Библии сказано, что двое будут одна плоть, и тысячи лет так бывало и будет. Диады распадаются, иногда трагически. Но адекватное бытие в диаде возможно, у нас пока нет возможности описать его детально, но оно возможно, об этом говорит нам простой опыт семей, пребывавших в долгом счастливом супружестве. Поиск *адекватного бытия в диаде* – одна из главнейших, насущных, самых жгучих причин исследовать диадическое бытие и его свойства. Если возможность адекватного бытия в диаде будет найдена, счастье диадического бытия субъекта – возможно, оно окажется не таким, как мы ожидаем – восполнит с лихвой возможные жертвы, на которые окажется нужно пойти, чтобы обрести адекватность.

О количестве бытия

Рассмотрим один онтологический вопрос. Равно ли количество бытия всегда у всех людей?

Сама постановка вопроса о количестве бытия может на первый взгляд показаться странной. Еще Аристотель, кажется, убедительно показал, что одна первая сущность имеет столько же бытия, сколько любая другая первая сущность. Как может один человек иметь больше бытия, чем другой?

Некоторый намек на подобное мы видим у Канта в главе “Критики чистого разума” “О паралогизмах чистого разума”: “нельзя отрицать у нее (души), как и у всего существующего, ... степени реальности в отношении всех ее способностей и вообще всего того, что составляет (ее) существование, а эта интенсивная величина может убывать через бесконечное множество меньших степеней, и, таким образом, предполагаемая субстанция ... может превратиться в ничто если не путем деления, то путем постепенного ослабления (*remissio*) ее сил... Ведь даже сознание всегда имеет степень, которая может быть еще уменьшена,

следовательно, тем же свойством обладают также самоосознание и все прочие способности...” [Кант, 1994].

У каждого из любящих возрастает уровень бытия, в диаде любящих – избыток бытия. У них возрастают силы. Человек чувствует, что живет ярче, что он видит мир по-другому, отчетливее, как будто мир стал новый. Согласно закону проекции, собственное взметнувшееся вверх бытие проецируется на мир. Мир раскрывается шире, и субъект шире раскрывается миру. Любящий строит планы, он обживает свой жизненный мир интенсивнее, чем раньше, он переделывает его, в нем просыпается творчество.

Поскольку речь идет о диаде, со вторым человеком происходит то же самое. А поскольку двое любящих представляют друг для друга ближайшую и главную часть мира, их повышенное бытие и раскрывается в первую очередь друг на друга. Субъект видит возлюбленного не так, как других людей. Это очень хорошо иллюстрируется феноменом имени: имя человека, которого ты любишь, и даже его фамилия кажутся особыми, не таким как другие имена. Хотя, казалось бы, имя – акцидентальная часть человека, но оно непосредственно входит в мир диады. Такой же феномен касается места его рождения и тому подобных вещей. Субъекту кажется, что он все время знал об их особости. Но это перенесение избытка своего бытия на все, касающееся любимого в диаде.

Бытие и присутствие

Читая в аристотелевских «Категориях», что одна первая сущность имеет не более и не менее бытия, чем любая другая первая сущность, мы принимаем это как нечто самоочевидное. В пример Аристотель приводит и человека: “вот этот человек, вот эта лошадь”. Здесь мы вынуждены поставить неразрешимый философский вопрос “что такое бытие?”, и, поскольку он, в общем случае, неразрешим, ответить на него лишь для двух родов первых сущностей: не-человека и человека. Мы видели, что для Аристотеля здесь нет разницы, однако по-другому мыслит Хайдеггер: во втором параграфе “Бытия и времени” вводит онтологическую разницу между бытием человека и любой другой первой сущности. Бытие человека есть *Dasein*, присутствие. Как известно, присутствие – это, так сказать, выделенная точка бытия, в которой оно обращается к самому себе с бытийным вопросом о себе же. Мы поставим аристотелевский вопрос о количестве бытия в применении к присутствию. Может ли присутствие одной первой сущности, человека, быть большим или меньшим, чем другое присутствие? И здесь мы видим онтологическую разницу между бытием и присутствием. Как обычная первая сущность (более того, как картезианская двойственность души и тела) любой человек имеет столько же бытия, как любой другой человек. Но как присутствие – нет. Одно присутствие может быть большим или меньшим, чем другое присутствие. В качестве примера мы можем привести пограничные ситуации (Ясперс), осмысление которых просветляет присутствие и делает его более истинным и, тем самым, более

присутствующим. Более того, мы можем привести примеры повседневных увеличения и уменьшения присутствия. Можно телом быть в одном месте, а мыслями – далеко, и это – уменьшенное присутствие. Присутствие испытывает взлет и максимальное раскрытия бытия в моменты любви, творчества, религиозного экстаза. Уменьшается присутствие при некоторых видах апатии, при определенных психических заболеваниях, например, при шизофреническом аутизме: больной может совершенно отсутствовать там, где располагается его тело.

Интересно упомянуть здесь еще один случай, достаточно далекий от проблем диады, но ярко демонстрирующий природу повышенного присутствия: бытие актера на сцене. В отличие от бездарного актера, который может даже убедительно имитировать деятельность персонажа, гениальный актер заставляет аудиторию не просто получать информацию о деятельности персонажа, но, прежде всего, забыв обо всем, внимать всему, что он делает и говорит (очень важны интонации речи, однако мы не сможем проанализировать их здесь). Гениальный актер ярко демонстрирует особенное, энергетически насыщенное, удивительным образом подлинное бытие¹. Можно даже сказать, что он «сгорает» на сцене. И аудитория как бы отдается этому горению, не оценивая качество имитирования ситуации персонажа, а погружаясь вместе с актером в эту ситуацию. Вот сколь велика энергия присутствия гениального актера: он способен погрузить аудиторию в чуждую ей (и самому ему) ситуацию. Конечно же, мы видим здесь механизмы суггестии, но понятой в чисто поршневокском смысле: не как манипулирование Другим, а как вне-рациональную передачу смыслов.

Таким образом, бытие человека, будучи присутствием, является исключением из общего аристотелевского закона о равенстве бытия всех первых сущностей мира.

Интенциональность диады

Теперь приступим к вопросу о конституировании смысла в диаде. Даже если диада уже не находится в изначальном всплеске бытия, мир ее ярче и осмысленнее, чем мир одинокого субъекта. Конституирование смысла происходит интенсивнее, все кажется более осмысленным. Повышается осмысленность самых простых предметов. Субъекты замечают то, чего ранее не замечали: деревья вокруг дома, пожухлые листья, цвет неба – все это попадает в поле их восприятия, их мира и, естественно, осмысливается в нем. Они могут говорить об этом (“Смотри, какое небо!”), но могут и не говорить. Каждый как будто смотрит четырьмя глазами, поскольку двое субъектов тут в какой-то степени присваивают, обобществляют смыслы друг друга. Интенсивнее происходит проектирование, осмысление самих себя и

¹ Как может бытие быть подлинным, когда субъект представляет не себя и не свою ситуацию, а ситуацию другого – этот удивительный феномен еще нуждается в отдельном исследовании. См.: [Косилова, 2015, 78-87].

Других. Можно сказать, что каждый имеет два будущих, и это одно и то же будущее. Они могут распоряжаться смыслами и проектами друг друга (хотя в этом кроется очень сильная опасность). Если принять, что у каждого субъекта свой жизненный мир, то жизненный мир диады общий – он конституируется общим, а не является таковым по факту.

Загадка диады состоит в том, что в определенные моменты она является единым субъектом. Этот субъект осуществляет функции познавательные и функции действия. Но как возможна функция без конкретного носителя?

Будем считать, что диада – это субъект, состоящий из двух частей, каждая из которых имеет некоторые субъектные функции и отказывается от других своих субъектных функций, которые она делегирует в нового субъекта – диаду. Поскольку она представляет собой субъект, у нее есть функции субъекта: интенциональное сознание, решения, переживания и т. п. Как возможна какая-либо субъектная функция без одного сознания? Ведь не можем же мы сказать, что сознания участников диады полностью сливаются. Или: как два субъекта могут частично слиться своими субъектностями и иметь единую интенциональность, единые смыслополагающие акты?

Гуссерль формулирует этот парадокс так: «...отсутствовал феномен превращения значения «Я» (как я сейчас произношу это Я) в «другое Я», в «Мы все», Мы со многими «Я», где я есмь «одно» Я. Таким образом, отсутствовала проблема конституции интерсубъективности, этого Мы-все, осуществляемой из меня, и даже «во» мне»; и далее: «...это вопросы, идущие от реальных людей к их «способам данности», к их способам «явления», прежде всего явления в восприятии...»; «...ведь эпохэ сделало их [Других] «феноменами»...»; «...я, стоящий надо всем естественным вот-бытием, которое имеет для меня смысл, и образующий Я-полюс той или иной трансцендентальной жизни, в которой мир сначала имеет для меня смысл чисто как мир: Я, которое в полной конкретности объемлет в себе все это» [Гуссерль, 2013, 243]. Это была критика «наивной установки», и Гуссерль провозглашает необходимость перейти от индивидуального Я, якобы явившегося первым, в то время как Другие являются лишь в восприятии, к чему-то более глубокому, к анализу совместной интенциональности. Однако я не вижу у него ответа на поставленный вопрос. «Я» все равно остается в центре: «актуальное Я, уже длящееся в длящейся примордиальной сфере, конституирует в себе Другого как Другого» [там же, 248]. Почему-то он не идет до конца и все время возвращается к уникальности Я: «Но при любых обстоятельствах и из глубочайших философских оснований (не только методических), о которых сейчас нельзя говорить подробнее, нужно отдать должное абсолютной уникальности его и его центральному положению во всякой конституции.» [там же] Таким образом, Гуссерль ставит вопрос о совместной интенциональности жизненного мира, но не отвечает на него, настаивая на центральном положении Эго и на том, что другие Эго в лучшем случае могут находиться в его «примордиальной» сфере. Мы же хотим понять именно слияние интенциональностей и тот взлет их бытия, который следует из этого слияния.

Рассмотрим двух ученых, совместно решающих одну задачу. Диада тут может возникнуть при определенных условиях. Этот вопрос хорошо бы изучить эмпирически, однако в целом предварительно ясно, что а) должна быть сочетаемость личностей б) должна быть одинаковая (или хотя бы близкая) научная парадигма, то есть способ мыслить, ставить и решать задачи, а также общий научный язык. Если эти условия выполняются, то может возникнуть диадическое состояние, причем не исключены даже эмерджентные способности: вдвоем участники решают быстрее и больше задач, чем сумма каждого из них в отдельности. Это плодотворное научное сотрудничество будет, скорее всего, диадой вторичной, симметричной и основанной, конечно, не на эмпатии. Ключевое связующее звено здесь – предмет исследования, решаемая задача. На нее и направлена обобщенная интенциональность диады.

По всей видимости, следует обратить внимание на речь участников диады и на их деятельность. Если один из них произносит то, что другой еще только собирался подумать (Щедровицкий называет это “зона ближайшего развития”), то второй освобождается от тормозов, сопровождающих всякую мысль при обдумывании, и свободно продолжает полет первого. Это подобно ходьбе на двух ногах, более продуктивной, чем ползание.

Проблема названа, но не решена. Пока получились две интенциональности, направленные на один предмет и конституирующие похожие смыслы, действующие попеременно и сообщая друг другу результат. Но это не один субъект.

По всей вероятности, нужно добавить, что у обоих из них к общему предмету привязан также некоторый общий проект, некоторое деятельностное предвидение. Скорее всего, если они решают задачу, это примерное представление о том, как будет выглядеть результат. Это может быть замысел работы. Тогда их субъектная общность рождается из предстояния общему замыслу. Любое предстояние перед чем-либо само по себе конституирует субъектность. Особенно это касается предстояния перед трансценденцией, а ведь в широком смысле для ученого нерешенная научная задача трансцендентна. Оно создает субъектную “заботу” в хайдеггеровском смысле слова, оно создает на какое-то время систему ценностей и производит, так сказать, переорганизацию субъектных смыслов. Поэтому, как можно видеть из данного рассуждения, интенциональность является общей для диады, если диада предстоит перед общей трансценденцией: тогда диада просто заново собирается как единый субъект, трансценденция является ее “точкой сборки”, как она бывает “точкой сборки” и отдельного субъекта.

Мне думается, что механизм обобщения субъектности в диаде не ученых, а любящих (или близких друзей, или матери-ребенка) также прежде всего объясним общим предстоянием, хотя перед чем – сказать не всегда просто. Это может быть общий проект деятельности, общая цель (которую тоже ведь надо еще конституировать, и участники обмениваются актами конституирования), или даже просто общее предстояние перед будущим, перед его неизвестностью и его хайдеггерианским Ужасом. Последний вариант, думается, характерен для диады близких друзей и диады глубоко любящих.

Диадическое отношение в любви

Рассмотрим диаду, связанную любовью. Характерное для диады слияние очень хорошо выразила Х. Арендт: “Любящих отделяет от человеческого мира их безмирность, мир между любящими сгорел” [Арендт, 2000].

Эмоциональное действие любви таково, что превращение двух любящих в единое существо, как уже упоминалось, названо так даже в Библии. Думая о превращении автономных субъектов в диаду, прежде всего, думаешь о любящих. Сомнительно, что анализ влюбленной пары как диады принесет здесь какую-то пользу, столько тысяч книг об этом написано и будет писаться еще и еще.

Однако нельзя не сказать несколько слов. Прежде всего, думается, что писать все эти книги (и песни) о любви авторов побуждает чувство несоответствия идеала и реальности, какое-то подспудное ощущение системной ошибки в бытии, по крайней мере в появлении и судьбе типичной влюбленной диады. Сочетание огромного повышения энергетического потенциала и столь же сильное понижение порога болевой чувствительности; всеобщее непонимание: “Любовь, и что теперь?”; практическая невозможность адекватного познания своего супруга, избытие иллюзий и фантомов; искажение самого себя – сначала радостное, а потом раздраженное; потерянности в нашей культуре ценности постоянства и надежности; недоумение перед связью между любовью и остальной семейной деятельностью, даже между любовью и рождением детей! – бесконечен список неадекватностей понимания любви в нашей печальной культуре бытового экзистенциализма эпохи потребления. Если хотя бы немного попытаться разрешить проблему любовь-диада, то это принесет столько пользы, а главное, уменьшит в мире столько боли, что ради этого не жаль любой работы.

Судьба диады

В бытийном избытке диады кроются две возможности. Диада может остаться закрытой в себе или открыться миру как диада.

Закрытая в себе диада оставляет свой энергетический избыток внутри себя. Между прочим, она не раскрывается миру, даже если оба супруга, например, работают. Мир работы и прошлых друзей уходит из жизненного мира члена диады. Он живет только тогда, когда находится вместе с любимым.

Лучшее, что здесь может произойти – рождение ребенка. Тогда появившееся третье бытие и берет на себя избыток диады, и возвращает тот же избыток с лихвой, ибо у младенцев – огромный избыток бытия, и, к тому же, самим фактом своего наличия он размыкает диаду. Триадическое отношение неустойчиво и долго невозможно, все втроем вынужденно раскрываются миру. К тому же, так происходит просто по законам жизни: ребенок требует социализации родителей – медицинской, прежде всего. У матери появляются подруги, име-

ющие таких же детей, с которыми происходит интенсивное деление опытом. Отец также делит свое субъектное отношение между ребенком, женой и остальным социумом.

Если закрытая диада остается без детей, то судьба избыточного бытия, как правило, печальна. Не будучи ни на что употребляемо, а только лишь переживаемо, оно не продолжается долго, члены диады пытаются возобновить это переживание (называемое на простом языке влюбленность) собственными силами, черпают это переживание оттуда, где его нет, разочаровываются, перед ними разверзается недостаток бытия. Самое лучшее, что они могут сделать – смириться и раскрыться миру (как диада, не по отдельности). Но чаще всего, если с самого начала этого настроения не было, он и не появляется. Важно также, что могут искажаться другие отношения, забота о себе, например, или трансцендентное отношение. Чаще всего искажается отношение к миру и Другим, они делаются враждебными, диада закрывается все плотнее и плотнее и все меньше и меньше получает бытия от взаимодействия с миром. Тогда диада, чаще всего, умирает. Вместе с горькими несбывшимися надеждами, проектами и ожиданиями.

Веселее судьба открытых диад. Про эффект рождения ребенка можно сказать то же самое, но даже если он и откладывается или не происходит совсем, открытая миру диада отдает ему свой избыток бытия и получает в ответ еще большее раскрытие мира, еще больше возможностей в нем. Для этого необходимо, чтобы диада оставалась сущностно единой, то есть, говоря простыми примерами, чтобы супруги имели общие интересы. Самый надежный охранитель диадического избыточного бытия – трансцендентность, так же как она является самым надежным гарантом конституирования субъекта вообще. Так же трансцендентность способна конституировать субъектность диадического единого субъекта. Правда, тут не может подойти любой вид трансцендентности. Например, трансцендентна нерешенная задача по отношению к субъекту. Она будет конституировать единство диады, пока не будет решена, потом исчезнет. Так что из видов трансценденции тут наиболее надежны длительные: наука, философия, а эффективнее всего – религия.

Мир диады: о сказках

У двух любящих людей образуется особый мир, общий на двоих. В него входят части вот этого личного мира, которым каждый из двух делится с любимым, плюс входит сказка. Вот сказка должна быть одна на двоих. Сказка здесь имеется в виду не обязательно в детском смысле, хотя нечто неотъемлемо детское должно в ней быть по самой сущности любви. Ведь любовь, хотя случается между взрослыми, переворачивает до дна – и всплывает детство. Оно всплывает обязательно и даже, можно сказать, мчится к Другому, к любимому, чтобы стать его детством, а поскольку это невозможно, то хотя бы рассказать о себе. У кого-то это выражено меньше, у кого-то больше. Детские радости, детские обиды, детские воспоминания, детское отношение ко всему, детскость в разомкнутости всем смыслам мира.

В некотором смысле даже обязательно вести себя немного по-детски. Неслучайно в разговорном английском возлюбленный часто называется “baby”.²

Сказка не имеет границ в смысловом пространстве любящих (кстати, тут не обязательно речь о любящих, некоторые подобные элементы можно найти в любом сообществе). Сказка разбивается о реальность. Или две части сказки разбиваются друг о друга. Второе, конечно, ужаснее первого.

К сожалению, способность интерпретировать реальность сказочным образом у человека почти безгранична. Тут дело в том, что примешивается способность жить в сказке, понимая, что это сказка. Эта способность обусловлена способностью к игре. Мы видим, что везде всплывает игра, поскольку она неотъемлема от эгоцентризма, а полностью никто не способен отказаться от него. Двое могут создать общую сказку как непреднамеренно (этот случай рассмотрен выше), так и намеренно. Тогда они готовы к тому, что она разобьется, но это не катастрофа. Нет возможности реанимировать разбившуюся бессознательную сказку. Но сказку, созданную намеренно, путем совместной фантазии, можно и реанимировать, и пересматривать. Более того, ее можно поменять на реальность, а последняя потом тоже окажется сказкой. И ее можно будет опять создавать сознательно и опять реанимировать.

У человека нет способности жить в реальности вещей в себе, в голом Сущем-Самом-По-Себе. Хайдеггер говорит, что такое сущее само по себе открывается только в тоске, а долго жить в тоске невозможно. Но у человека есть способность создавать и реанимировать сказки. Под этим я понимаю и общую для двоих мифологию их отношений, и особый общий внутридиадный язык, и намеренную «секретность» истолкования слов друг друга – ибо данные слова не предназначены для других, то есть вырабатываются общие герменевтические приемы.

Однако, что нужно для экзистенциальной мудрости, так это уметь отличать сказку от реальности. Бессознательную отличить нельзя, по определению, и надо учиться переходить к сознательным. Сознательные сказки, кстати, берут значительную долю их нежности именно из осознанности своей. «Смотри, моя маленькая, вот еще один штрих в нашу сказку».

Распад диады

Как мы уже отмечали, диадический субъект имеет избыток бытия и после распада каждый из оставшихся одиноких субъектов (если диада была симметрична; если не симметрична, то один больше, другой меньше) испытывает падение бытия, его недостаточность,

2 Строки из письма Н. Мандельштам ее мужу О. Мандельштаму: «Осюша – наша детская с тобой жизнь – какое это было счастье. Наши ссоры, наши перебранки, наши игры и наша любовь. Теперь я даже на небо не смотрю. Кому показать, если увижу тучу? Мы как слепые щенята тыкались друг в друга, и нам было хорошо. ... Жизнь долга. Как долго и трудно погибать одному – одной. Для нас ли неразлучных – эта участь? Мы ли – щенята, дети, – ты ли – ангел – ее заслужил? ... Последний сон: я покупаю в грязном буфете грязной гостиницы какую-то еду. Со мной были какие-то совсем чужие люди, и, купив, я поняла, что не знаю, куда нести все это добро, потому что не знаю, где ты» [Последнее письмо..., www].

иногда очень длительную и глубокую. Мир закрывается перед ним: становится тусклым, неразличимым, бессмысленным. Обесмысливается окружающее, уходят проекты. Субъект долгое время живет так, как будто диада все еще есть, только исчезла. Он ожидает возвращения жизни в диаде, которая была для него настоящей жизнью. Это недостаточный субъект, и чтобы снова перейти на уровень обычного субъекта, ему требуется претерпеть работу горя. (Здесь термин Фрейда употреблен в том самом смысле, что и у него, он ввел его для случая разрыва супружеской диады вследствие смерти мужа) [Фрейд, 1984].

Работа горя здесь во многом работа с прошлыми смыслами. Как было сказано, диада часто живет в личной сказке, не отличая ее от действительности. Несмотря на то, что члены диады крайне близки друг другу, зачастую они не знают друг друга по-настоящему, заменяя образ настоящего человека фантомом своей фантазией. Это же, кстати, часто является и причиной разрыва любовной диады: один член накладывает на другого нагрузки и ожидания, которые неадекватны для другого. Поразительна способность субъекта не видеть и не знать самого близкого ему человека. Еще более велика только его способность не знать самого себя.

Фрейд указывает на две возможности завершить работу горя. Первая, так сказать, непродуктивная – найти другого возлюбленного и вместе с ним опять попытаться слиться в диаду. Не факт, что количество попыток такого рода может быть бесконечно, но две, вероятно, возможны. Опыт разрыва можно забыть, но в глубине души он будет все время напоминать о том, что субъект одинок, что диада не вечна. Впрочем, любая диада может длиться до смерти участников. Условие для этого – экзистенциальная мудрость, взрослость и желание сохранить диаду, но два первых условия существенно мешают диаде быть полным слиянием. Скорее тут будет иметь место полу-диадическое состояние, субъекты в чем-то будут едины, но при этом определенная отстраненность и открытость (не диадическая, а автономная) будут иметь место.

Второй вариант, о котором говорит Фрейд – стать навсегда автономным субъектом в его терминах “вернуть либидо к Я”. Тогда возможно одинокое раскрытие миру или раскрытие трансценденции, допустим, самообразование, религиозное служение и тому подобные выходы. Тяжесть одиночества для субъекта, изначально не предназначенного к одинокому состоянию, может толкать его на деструктивные действия, вплоть до суицида, поэтому ни в коем случае нельзя закрываться от мира, от Других или от трансценденции.

Оба выхода, предложенные Фрейдом, мне не кажутся хорошими. Конечно, у него была конкретная ситуация смерти одного из супругов и болезни второго. Он видел для этого второго только два выхода: претерпеть работу горя или постараться уклониться от нее. Мы же, не будучи связанными никакой ситуацией, а лишь только рассуждая о “диаде вообще”, имеем возможность поставить самый общий вопрос: как субъектам надо строить диадическое бытие (если они собираются быть в нем долго как супруги), как разрывать диаду (если есть эта необходимость), как сделать так, чтобы избыток бытия в диаде покрывал субъектную недостаточность обоих или одного из участников?

Заключение

Итак, был рассмотрен особый вид социального отношения субъектов – диадическое совместное бытие. От простого совместного бытия двух людей оно отличается качественным образом: в диаде происходит частичное слияние субъектности, взаимодействие интенциональностей, так что в некотором смысле и в некоторые моменты диаду можно рассматривать как единое существо. Было сделано предположение, что имеет место суггестивное взаимодействие, быстро и эффективно действующее на внеречевом уровне. За счет слияния в диаде происходит резкий взлет бытия-присутствия (в хайдеггеровском смысле) обоих субъектов. Будучи защищенными друг другом от мира, они становятся раскрыты миру. Возрастает интенсивность конституирования смыслов, вплоть до знакомых ранее смыслов – даже знакомые предметы делаются ярче и интереснее, осмысленнее. Диада способна на свершения, в том числе в области понимания, на которые не способен каждый из участников в отдельности. Это описание применимо к влюбленным, к двум близким друзьям, а некоторые элементы (защищенность друг другом от угроз мира) – даже к очень близким товарищам, например, коллегам на совместном отдыхе. Даже здесь проскальзывают элементы диадического взаимодействия: увеличение бытия-присутствия, совместное конституирование смыслов и др.

Мы выяснили также, что диады способны распадаться, и при распаде диады во многих случаях происходит снижение субъектного бытия: мир закрывается, делается бессмысленным, иссякает способность строить проекты, текущие проекты отчуждаются. Иногда даже наступает депрессия.

Мы разделили диады на первичные и вторичные, симметричные и асимметричные, закрытые и открытые. Причем в каждой паре те и другие могут переходить друг в друга. Исследовать интересно все, но более всего в практическом смысле подлежит исследованию вторичная диада, переходящая в первичную, поскольку это случай влюбленных, становящихся супругами. В нашем мире с распадами подобных диад связано столько горя, что эта проблема сама зовет к ее решению философов и психологов.

Мы выяснили также, что в диаде возникает особый внутренний “сказочный” мир, особенно если это диада любящих или близких друзей. Появляется свой язык, вырабатываются общие герменевтические приемы.

Центральный философский вопрос касательно диадического отношения к миру – каким образом два субъекта могут иметь одну интенциональность, каким образом возможно совместное конституирование смысла? В качестве примера была взята диада ученых, совместно решающих общую задачу. На этом примере был показан облегченный вид совместного мышления – взаимное снятие тормозов за счет так называемой “зоны ближайшего развития”. Однако это легкий случай, не дающий понимания диадического взаимодействия в общем. Для объяснения последнего было введено понятие “предстояние перед трансцен-

денцией”. Трансцендентное отношение понимается широко, как, например, нерешенная научная задача для двух ученых, неизвестный интересный мир для подростка, искусство и многое другое. Предстояние перед трансценденцией является “точкой сборки” субъекта, исходя из него, он строит остальные свои отношения, свое Я и свои проекты. Соответственно, для двух субъектов предстояние перед общей трансценденцией (это случай двух ученых, решающих задачу) инициирует “сборку” обобщенного субъекта и уж точно совместную интенциональность, развитием которой они обмениваются на внеречевом суггестивном уровне.

Вопрос необходимости, уместности и оптимальной степени раскрытия диады к миру других людей пока остается нерешенным. С этим связаны и возможности укрепления диады, и потеря ею самого ценного – внутреннего слияния двух субъектов. Мы можем только сделать предположение, что следует вырабатывать некоторые приемы такого раскрытия.

Проблемы диадического взаимодействия субъектов – это очень насущные проблемы повседневного бытия-присутствия, одни из самых жгучих проблем жизни. Ответ на них нужно искать не только в философии (феноменологии, экзистенциализме, антропологии, философской теологии и др.), но и в других науках, прежде всего в психологии, а также в литературе, в истории, и в социологическом исследовании современной жизни.

Библиография

1. Арндт Х. *Vita activa*, или О деятельной жизни. СПб.: Алетейя, 2000. 437 с.
2. Аристотель. Категории. Ленанд, 2016. 80 с.
3. Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная философия. М.: Наука, 2013. 496 с.
4. Кант И. Собрание сочинений в 8 томах. Чоро, 1994. 4600 с.
5. Косилова Е.В. Экзистенциальный анализ подлинности бытия актера // Вестник МГПУ, серия “Философские науки”. 2015. № 4. С. 78-87.
6. Кричевец А.Н. Cogito, Другой и представления о психическом // Психологические исследования: электрон. науч. журн. 2010. № 5(13). URL: <http://psystudy.ru>
7. Поршнев Б.Ф. О начале человеческой истории. Проблемы палеопсихологии. СПб.: Алетейя: Историческая книга, 2007. 731 с.
8. Последнее письмо жены Осипа Мендельштама. URL: <http://www.adme.ru/vdohnovenie/poslednee-pismo-zheny-osipa-mandelshtama-589605/>
9. Сергиенко Е.А., Лебедева Е.И., Прусакова О.А.. Модель психического как основа становления понимания себя и другого в онтогенезе человека. М.: Институт психологии РАН, 2009. 415 с.
10. Фрейд З. Печаль и меланхолия // Психология эмоций. М.: МГУ, 1984. С. 203-211.

11. Downes Ch. Husserl and the coherence of other minds problem // *Philosophy and phenomenological research*. 1965. Vol. 26. i.2. P. 253-259.
12. Giorgi A.P., Giorgi B. *Phenomenological Psychology* // Willig C. (ed.) *Handbook of qualitative research in psychology*. London: Sage, 2008. P. 165-178.
13. Mills J. The false Dasein: From Heidegger to Sartre and psychoanalysis // *Journal of Phenomenological Psychology*. Spring 1997. Vol. 28. Issue 1. P. 42.
14. Rothberg D. The crisis of modernity and the emergence of socially engaged spirituality. *Revision*, Winter 1993, Vol. 15. Issue 3. P. 105.
15. Searle J. *Collective Intentions and Actions* // Cohen P., Morgan J., Pollack M.E. (eds.) *Intentions in communication*. Cambridge, Mass.: Bradford Books, MIT Press, 1990. P. 401-415.

Phenomenological analysis of subject's dyadic being

Elena V. Kosilova

Assistant professor,
Chair of Ontology and Theory of Knowledge,
Department of Philosophy,
Lomonosov Moscow State University,
119991, 27/4 Lomonosovskii av., Moscow, Russian Federation;
e-mail: implicatio@yandex.ru

Abstract

The article deals with a special kind of social relations of subjects – dyadic co-existence. The dyad is a partial fusion of subjectivity, intentionality interaction, therefore at some point the dyad can be regarded as a single entity. The author supposes that there is a suggestive synergy, which works fast and effective on a speechless level. It acts rapidly and effectively at non-verbal level. Dyadic being is also characterized by the growing up of the intensity of heideggerian Dasein, or presence. The question arises how two individual subjects may have a common intentionality. The author responds that subject's "assemblage point" is something transcendental to him, and if this transcendental is common for both subjects, then they have a common "assemblage point". Questions of necessity, relevance and optimal degree of disclosure of the dyad to the world of other people remain unresolved. They are connected with possibility of the dyad strengthening, and the loss of its most valuable characteristic – the internal merger of the two entities. The author suggests that we should develop some techniques to disclose the dyad. Problems of subjects' dyadic interaction are very pressing problems of everyday life. Answers must be sought for not only in philosophy (phenomenology, existen-

tialism, anthropology, philosophical theology) but also in the other sciences, especially in psychology, literature, history and sociological study of modern life.

For citation

Kosilova E.V. (2016) Fenomenologicheskii analiz diadicheskogo bytiya sub"ekta [Phenomenological analysis of subject's dyadic being]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 2, pp. 92-109.

Keywords

Dyad, subject, Dasein, common intentionality, being, phenomenological analysis.

References

1. Arendt H. (2000) *Vita Activa oder vom Tatigen Leben*. R. Piper & Co. (Russ. ed.: Arendt Kh. (2000) *Vita activa, ili O deyatel'noi zhizni*. Saint Petersburg: Aleteiya Publ.).
2. Aristotle. *Κατηγορίαι* (Russ. ed.: Aristotel' (2016) *Kategorii*. Lenand Publ.).
3. Downes Ch. (1965) Husserl and the coherence of other minds problem. *Philosophy and phenomenological research*, 26 (2), pp. 253-259.
4. Freud S. (1965) *Gesammelte Werke*. Ideenbrücke Verlag. (Russ. ed.: Freid Z. (1984) *Pechal' i melankholiya. Psikhologiya emotsii*. Moscow: Moscow State University Publ., pp. 203-211.).
5. Giorgi A.P., Giorgi B. (2008) Phenomenological Psychology. In: Willig C. (ed.) *Handbook of qualitative research in psychology*. London: Sage Publ., pp. 165-178.
6. Husserl E. (1996) *Die Krisis der europäischen Wissenschaften und die transzendente Phänomenologie. Eine Einleitung in die phänomenologische Philosophie*. Meiner. (Russ. ed.: Gusserl' E. (2013) *Krizis evropeiskikh nauk i transtsedental'naya filosofiya*. Moscow: Nauka Publ.).
7. Kant I. (1965) *Immanuel Kant: Gesammelte Werke: Andhofs große Literaturbibliothek*. Andhof. (Russ. ed.: Kant I. (1994) *Sobranie sochinenii v 8 tomakh*. Choro Publ.).
8. Kosilova E.V. (2015) Ekzistentsional'nyi analiz podlinnosti bytiya aktera [Existential analysis of the authenticity of actor's being]. *Vestnik MGPU, seriya "Filosofskie nauki"* [Bulletin of Moscow State Pedagogical University. Series "Philosophical sciences"], 4, pp. 78-87.
9. Krichevets A.N. (2010) Cogito, Drugoi i predstavleniya o psikhicheskom [Cogito, the Other and thoughts about psycho]. *Psikhologicheskie issledovaniya: elektron. nauch. zhurn* [Psychological research: electronic scientific journal], 5(13). Available at: <http://psystudy.ru> [Accessed 18/04/16].
10. Mills J. (1997) The false Dasein: From Heidegger to Sartre and psychoanalysis. *Journal of Phenomenological Psychology*, 28 (1), p. 42.
11. Porshnev B.F. (2007) *O nachale chelovecheskoi istorii. Problemy paleopsikhologii* [On the beginning of human history. Problems of paleopsychology]. Saint Petersburg: Aleteiya: Istoricheskaya kniga Publ.

12. *Poslednee pis'mo zheny Osipa Mendel'shtama* [The last letter of Osip Mendelshtam's wife]. Available at: <http://www.adme.ru/vdohnovenie/poslednee-pismo-zheny-osipa-mandelshstama-589605/> [Accessed 28/04/16].
13. Rothberg D. (1993) *The crisis of modernity and the emergence of socially engaged spirituality*. Revision, 15 (3), p. 105.
14. Searle J. (1990) Collective Intentions and Actions. In: Cohen P., Morgan J., Pollack M.E. (eds.) *Intentions in communication*. Cambridge, Mass.: Bradford Books, MIT Press Publ, pp. 401-415.
15. Sergienko E.A., Lebedeva E.I., Prusakova O.A. (2009) *Model' psikhicheskogo kak osnova stanovleniya ponimaniya sebya i drugogo v ontogeneze cheloveka* [Mental model as a basis for understanding the formation of Self and Other in human ontogenesis]. Moscow: Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences Publ.